

М

**«Звезды»
нашей
памяти**

естный теплоходик, сбавляя ход и разворачиваясь, стал медленно подходить к пристани. Группа туристов собралась на нижней палубе, смотрела на крутой зеленый берег и слушала речь своего гида:

- Перед вами городок Плес! Раньше его знали от силы верст на сто вокруг. Известность ему

иудейской веры, бьет твердолобых снобов своим ярким талантом, доказывает, что от «мужичкой» русской природы, обобщенной на полотне, исходит сама душа народа, светлая чарующая поэзия, зовущая к добру и счастью...

Зрители замирали над левитановским «Вечным покоем». С этого полотна и в самом деле веяло широтой России, ее вечностью. На холме стоит крохотная деревянная, похожая на часовню, церквушка, рядом кладбище с покосившимися крестами, деревья, гнущиеся на вольном ветру, а впереди разлив широкой реки, тревожные

России. «Красоте, разлитой в природе, - говорил он своим ученикам, - можно молиться, как Богу, и просить у нее вдохновения, веры в себя». Это как бы про него написал поэт Баратынский:

С природой одною он жизнью дышал,

Ручья разумел лепетанье.

И говор древесных листов

понимал,

И чувствовал трав

прозябанье...

Ох, как нелегко пробивал себе дорогу Исаак Левитан! Он рано остался сиротой, нищета преследовала его по пятам. Еле собрал пятнадцать рублей, не-

Николай сам и нарисовал эту печальную женщину, и пейзаж ожил, его купил вскоре известный собиратель живописи Павел Михайлович Третьяков.

До конца дней своих дружил Левитан и с Антоном Павловичем Чеховым. Они были одноклассниками, понимали друг друга с полуслова. И в творчестве у того и другого звучали похожие нотки: правда, краткость, проникновение в сердцевину жизни. Неспроста Левитан взялся иллюстрировать чеховскую «Каштанку». Он любил «густую» прозу своего друга. Можно без преувеличения сказать, что тональность чеховской прозы созвучна многим левитановским картинам: «Тихая обитель», «У омута», «Март», «Золотая осень»...

Не меньше Волги Левитан ценил места под Звенигородом, частенько выезжал туда на этюды, а одно время жил в деревне Максимовке у Нового Иерусалима. А рядом, в Бабкине, в имении Киселевых, снимали дачу Чеховы. И Левитан был их частым гостем. Он был неплохим охотником, с собакой Вестой обходил богатые разной дичью здешние окрестности. «На днях в один день мои домочадцы съели шестнадцать штук уток и тетеревов, застреленных моим приятелем художником И. Левитаном...», - писал Чехов.

Бабкино с утра до вечера оглашалось шумом и смехом. Но на Левитана порой находила какая-то тяжелая тоска. У него не все в порядке было с психикой. Он даже стрелялся. В основном из-за женщин. И Марии Павловны Чеховой, которую он звал Мафа или Ма-Па, Исаак Ильич делал предложения...

После появления чеховского рассказа «Попрыгунья» Левитан поссорился с Антоном Павловичем. Будучи болезненно мнительным, он узнал в рассказе себя и художницу Кувшинникову, с которой был близок. Но ссора была недолгой. Они помирились. А приехав в Крым и видя, что его друг тоскует по русской природе, Левитан, попросив у Ма-Па кусок картона, за полчаса написал чудесную картину «Стога в лунную ночь» и поставил ее на камин перед глазами писателя.

Левитан уже давно был болен. Чехов, как врач, знал это: «Я выслушивал Левитана: дело плохо. Сердце у него не стучит, а дует...»

Умер Исаак Ильич в начале августа 1900 года, чуть-чуть не дотянув до сорока лет. Похоронили его на Дорогомиловском кладбище, а в 1941 году прах великого художника перенесли на Новодевичье, где лежал его друг Антон Павлович Чехов...

В эти дни мы отмечаем 135 лет со дня рождения Левитана. И еще долго, не одно столетие, благодарная Россия будет почитать его и отмечать.

**Юрий ГРИБОВ,
«Красная звезда».**

Молиться, как Богу, земной красоте...

Красная Звезда - 1995 - 30 авг. - с. 4

придал художник Исаак Ильич Левитан. Он писал здесь свои картины...

Нет, не просто «придал известность», Левитан прославил Плес на весь мир. Из многих стран приезжают теперь сюда любители искусств и просто обыкновенные люди, чтобы убедиться: а правда ли, что Россия такая красивая страна. Они увидели задумчивые и волнующие картины Левитана, и их потянуло в эти края...

На Верхней Волге много поэтических мест, а еще больше побывало здесь художников, но в славе повезло в основном Плесу, кстати, не самому броскому волжскому уголку. Дело в том, что запечатлел местные виды не простой художник, а выдающийся мастер, по словам Чехова, лучший русский пейзажист...

Левитан в Плес и в близкие окрестности приезжал много раз и жил здесь подолгу. Его уже тут узнавали и почтительно кланялись. Сохранилась фотография, где он сидит на корме лодки, укладывая со своими помощниками принадлежности для рисования. Над какой картиной он тогда работал? Судя по времени, над полотном «Вечер на Волге», а может, набрасывал другие мотивы, делал заготовки для картин «После дождя», «Свежий ветер», «Над вечным покоем»...

Все его волжские или навеянные Волгой холсты вызвали восхищение на выставках. Они будили мысль, вселяли в души людей радость, перемешанную с грустью, какую-то тайную, необъяснимую печаль. Ведь тогда еще бытовало мнение, что пейзаж - это заповорки искусства, что только в Швейцарии или в Италии могут быть приличные пейзажисты, а в России, мол, природа грубая, мужицкая, скучная. И вдруг какой-то молодой Левитан, к тому же человек

облака, бесконечные дали...

Если эта картина наводит на философские мысли о сущности бытия, то «Вечерний звон» вызывает добрые, спокойные раздумья. Вглядываясь в освещенный вечерним закатом большой храм или монастырь, в отраженные водой деревья, в кромку леса на изгибе реки, ты как бы наяву слышишь малиновый звон колоколов. Левитан, как ни один художник, умел «озвучивать» и «очеловечивать» свои пейзажи. На его уникальном полотне «Владимирка» нет арестантов, но такое чувство, когда смотришь, что они вот-вот появятся и загремят кандалами...

Левитан буквально преклонялся перед видами срединной

обходимые при поступлении в училище живописи. А тут еще после покушения на Александра II евреям запретили жить в Москве, и пришлось ему перебраться в Салтыковку и ездить на занятия поездом. Часто ночевал он прямо в классе, прячась за шторы и натянутые холсты.

Но зато на учителей и на друзей повезло ему крепко. Он состоял в группе Алексея Кондратьевича Саврасова, автора хрестоматийной картины «Грачи прилетели», профессора живописи, человека чуткого и болезненно честного. Саврасов особо выделял двух своих питомцев: Левитана и Константина Коровина. Он гордился их успехами, но и промашки, торопливость, заметные подражания публично осуждал. «Саврасовская школа» помогла Левитану понять душу пейзажа, относиться к художеству как к святому делу всей своей жизни.

В училище Исаак Ильич подружился с Николаем Чеховым, а через него и со всем чеховским одаренным семейством. Когда Левитан закончил пейзаж «Осенний день. Сокольники», первую свою крупную работу, Николай сказал ему по-дружески:

- Все хорошо, но пусто как-то, не хватает последнего аккорда... А что если бы по дорожке аллеи шла задумчивая женщина?